

воспоминания
мемуары

АНТОН ИВАНОВИЧ

ДЕНИКИН

Очерки русской смуты

Белое движение
и борьба добровольческой армии
Май - октябрь 1918

Антон Иванович Деникин
Очерки русской смуты.
Белое движение и борьба
Добровольческой армии
Серия «Очерки русской смуты», книга 3

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175786

Аннотация

Автор «Очерков русской смуты» Антон Иванович Деникин (1872–1947), занимая в период с 1917 по 1920 гг. ключевые посты в русской армии, сыграл значительную роль в истории России, став одним из руководителей белого движения. В данной книге автор рисует политическую карту Российского государства к середине 1918 года, рассказывает о внутренней жизни Добровольческой армии, а также о военных действиях с ее участием, описывает события, связанные с образованием «Особого совещания». Для широкого круга читателей.

Содержание

Внешние затруднения Добровольческой армии:	4
отношения с донским атаманом	
Конституция Добровольческой власти.	20
Внутренний кризис армии: ориентации и лозунги	
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Том третий

Белое движение и борьба Добровольческой армии

Внешние затруднения Добровольческой армии: отношения с донским атаманом

Наиболее тяжелые отношения установились у нас с донским атаманом.

На небольшом клочке освобожденной от большевиков русской земли двум началам, представленным, с одной стороны, генералом Красновым, с другой – генералом Алексеевым и мною, очевидно, оказалось тесно. Совершенно неприемлемая для Добровольческой армии политическая позиция атамана, полное расхождение в стратегических взглядах и его личные свойства ставили трудно преодолимые препятствия к совместной дружной работе. Утверждая «самостоятельность» Дона ныне и на «будущие времена», он не прочь был, однако, взять на себя и приоритет спасения России. Он, Краснов, обладающий территорией, «народом» и войском, в качестве «верховного вождя Южной Российской ар-

мии»¹ брал на себя задачу – ее руками – освободить Россию от большевиков и занять Москву²... На этом же пути стояла другая сила – пока еще «бездомная», но с непререкаемым общерусским авторитетом бывшего верховного генерала Алексеева и с большим моральным весом и боевой репутацией Добровольческая армия.

Обе стороны, понимая непреложные законы борьбы, считали необходимым объединение вооруженных сил и обе не могли принести в жертву свои убеждения или предубеждения. На этой почве началась длительная внутренняя борьба – методами, соответствовавшими характеру руководителей... В то время, когда командование Добровольческой армии стремилось к объединению Вооруженных Сил Юга путями легальными, атаман Краснов желал подчинить или устранить со своего пути Добровольческую армию; какими средствами – безразлично.

Началось еще в мае, когда неожиданно атаманским приказом все донские казаки были изъяты из рядов Добровольческой армии, что расстроило сильно некоторые наши части, особенно Партизанский и конный полки. Мне пришлось поблагодарить донцов и отпустить их, чтобы не обострять положения и не создавать картины развала... В краткий пери-

¹ соединенные Южная, Астраханская и Народная. (Здесь и далее примечания автора.)

² Речь в Таганроге. Приазовский край. 1918. № 178.

од кризиса, пережитого Добровольческой армией,³ отдельные лица, иногда небольшие части, дезертировали из армии на службу на Дон, встречая там радушный прием. Был даже случай, что целый взвод с оружием и пулеметами под начальством капитана Корнилова⁴ бежал в Новочеркасск; с ним ушел также офицер штаба армии лейтенант флота Поздеев и... мой конный вестовой – текинец; характерная мелочь – последний ушел одвуконь, украв, кстати, мою лошадь. Штаб вел по этому поводу переписку, но безрезультатно. Все проходило совершенно безнаказанно. Между тем переход в Добровольческую армию, хотя бы и легальный, расценивался совершенно иначе. Помню, какой гнев вызвало впоследствии формирование донским генералом Семилетовым после долгих переговоров партизанского отряда в Черноморской губернии из донских граждан, не обязанных службой на Дону.⁵ Отряд не представлял из себя сколько-нибудь серьезной силы и, конечно, не мог иметь никакого политического значения – по крайней мере, я не допустил бы этого. Но генерал Краснов считал, что цель Семилетова, «находящегося всецело в руках кадетской партии... поднять казаков против правительства и свергнуть его, атамана, с должности».⁶ В

³ май

⁴ однофамилец генерала

⁵ такой набор разрешался всем армиям, кроме Добровольческой. Приказ Войску Донскому № 921

⁶ отчет о разговоре генералов Краснова и Эльснера 18 октября

июне генерал Эльснер просил разрешения генерала Краснова при влечь на службу в армию иногородних Донской области и получил отказ, мотивированный тем, что «неокрепшие еще местные власти не в состоянии будут заставить иногороднее население выполнить приказ».⁷ Через несколько дней атаман однако, отдал приказ о наборе иногородних Дона, формируя из них полк, кадрам для которого послужили... следовавшие в Добровольческую армию офицеры лейб-гвардии Измайловского полка. Он откровенно высказывал генералу Алексееву⁸ надежду, «что получит гвардейских офицеров от всех полков гвардии».⁹ Но измайловцы не пошли, а инициатор этой затеи, полковник Есимантовский, формировавший полк (потом бригаду) при помощи нескольких офицеров лейб-гвардии Финляндского полка, через два месяца, подчиняясь общему настроению, писал уже покаянное письмо генералу Алексееву:¹⁰ целью его было только «привести в Добровольческую армию готовый полк без расходов от нее». Есимантовский испрашивал указаний, «когда и как сделать переход в армию...»

Наиболее осложнений доставил вопрос с отрядом полковника Дроздовского. Прибыв в Новочеркасск 25 апреля,

⁷ доклад генерала Эльснера 7 июня. № 144

⁸ письмо генерала Алексеева мне от 26 июня. № 59

⁹ гвардейцы собирались тогда при 1-м Офицерском полку Добровольческой армии

¹⁰ от 31 августа

Дроздовский в тот же день донес мне, что «отряд прибыл в мое распоряжение» и «ожидает приказаний». Но время шло, назревал 2-й Кубанский поход, а начало его все приходилось откладывать: более трети всей армии – бригада Дроздовского – оставалось в Новочеркасске. Это обстоятельство препятствовало организационному слиянию ее с армией, нарушало все мои расчеты и не давало возможности подготовить операцию, о которой было условлено с генералом Красновым 15 мая.¹¹ По просьбе Краснова отряд Дроздовского разбрасывался частями по области: конница дралась в Сальском округе, пехота употреблялась на «очистку от большевиков» Ростова и Новочеркасска на карательные экспедиции по крестьянским деревням севера области. Я требовал присоединения бригады; Дроздовский ходатайствовал об отсрочке для отдыха, организации и пополнения. Краснов упрасивал Дроздовского не покидать Новочеркасск – публично, на параде перед строем, и более интимно в личных разговорах с Дроздовским. Атаман порочил Добровольческую армию и ее вождей и уговаривал Дроздовского отложиться от армии, остаться на Дону и самому возглавить добровольческое движение под общим руководством Краснова.¹² Слухи об этих переговорах и якобы колебаниях Дроздовского¹³ дошли до

¹¹ свидание в Манычской

¹² доклад полковника Дроздовского

¹³ долго еще Краснов в заседаниях правительства, немцам и вообще при всяком удобном случае повторял, что «отряд полковника Дроздовского покинет Добро-

офицеров его отряда и вызвали среди них беспокойство. По просьбе офицеров командир сводно-стрелкового полка полковник Жебрак обратился по этому поводу к Дроздовскому и получил от него успокоительное заверение. Позднее Дроздовский так писал мне о новочеркасских интригах: «Считая преступным разъединять силы, направленные к одной цели, не преследуя никаких личных интересов и чуждый мелочного самолюбия, думая исключительно о пользе России и вполне доверяя Вам, как вождю, я категорически отказался войти в какую бы то ни было комбинацию, во главе которой не стояли бы Вы...»

Я ждал присоединения отряда, без чего нельзя было начинать операцию, атаман всемерно противился этому и в то же время... «настаивал на немедленном наступлении – надо использовать настроение казаков, их порыв, надо воспользоваться растерянностью комиссаров...»

После беседы с Жебраком Дроздовский приехал в Мечетинскую, отряд его был зачислен в качестве 3-й бригады в Добровольческую армию и 23 мая выступил на соединение с ней.

Все эти неудачи не останавливали, однако, атамана перед попытками создания подчиненной ему Российской армии. Свое недоумение он высказал однажды в письме к генералу

вольческую армию и перейдет на службу к Донскому или Астраханскому (?) войску». Протокол заседания 26 июня

Алексееву:¹⁴ «...на земле Войска Донского, а теперь и вне ее я работаю совершенно один. Мне приходится из ничего создавать армию... снабжать, вооружать и обучать ее. В Добровольческой армии много есть и генералов, и офицеров, которые могли бы взять на себя работу по созданию армий в Саратовской и Воронежской губерниях, но почему-то они не идут на эту работу...» Краснов не хотел понять, что его попытки обречены на неуспех просто в силу психологии русского генералитета и офицерства, глубоко чуждой основным положениям атаманской политики. Попытки, вместе с тем неизбежно, даже независимо от чьей-либо злой воли, ослаблявшие и расстраивавшие Добровольческую армию.

Ввиду явной неудачи формирования Южной армии руководители ее вынуждены были передать ее в полное подчинение генералу Краснову.¹⁵ 30 сентября состоялся атаманский приказ о создании Особой Южной армии, в составе которой должны были формироваться три корпуса: Воронежский (бывшая Южная армия), Астраханский (бывшая Астраханская армия) и Саратовский (бывшая Русская народная армия). На новую армию возлагалась «защита границ Всеволодского войска Донского от натиска красногвардейских банд и освобождение Российского государства».

Возник вопрос о возглавлении армии генералом с обще-

¹⁴ от 8 сентября. № 172

¹⁵ с ноября после падения немцев средства – 76 миллионов – обязался доставить гетман. Но до своего падения отпустил только 41/2 миллиона

российским именем, чтобы привлечь таким образом офицерство. Но такого найти не удавалось. С генералом Щербачевым, жившим в Яссах, атаман не смог войти в связь. Генерал Драгомиров, проезжая в августе из Киева через Новочеркасск, *«умышленно уклонился от встречи с Красновым»*, ибо – как он писал мне впоследствии¹⁶ – «мы стояли на столь различных точках зрения в вопросе о дружбе с немцами, что наш разговор мог бы иметь результатом только крупную ссору, с чего мне вовсе не хотелось начинать свою деятельность на Юге России». Тем не менее 30 сентября Краснов обратился к Драгомирову¹⁷ с предложением принять новую армию. Горячий Драгомиров ответил, что в этом формировании он «видит продолжение той же немецкой политики – divide et empera¹⁸ – которая привела нашу Родину к пропасти», и потому «предложение этого поста равносильно (для него) оскорблению...»¹⁹

Остановился Краснов на Н. И. Иванове. К этому времени дряхлый старик, Н. И., пережив уже свою былую известность, связанную с вторжением в 1914 году армий Юго-Западного фронта в Галицию, проживал тихо и незаметно в Новочеркасске. Получив предложение Краснова, он приехал

¹⁶ письмо от 3 августа 1922 г. в опровержение слов генерала Краснова о личных переговорах с ним. Всевеликое войско Донское // Архив русской революции

¹⁷ тогда уже помощнику главнокомандующего Добровольческой армией

¹⁸ разделяй и властвуй (лат.)

¹⁹ Письмо от 12 октября. № 148. Я ознакомился с его содержанием только после отправки.

ко мне в Екатеринодар, не желая принимать пост без моего ведома. Я не противился, но не советовал ему на склоне дней давать свое имя столь сомнительному предприятию.

Однако, вернувшись в Новочеркасск, Иванов согласился.

25 октября мы прочли в газетах атаманский приказ о назначении Н. И., заканчивавшийся словами: «Донские армии восторженно приветствуют вождя их новой армии – армии Российской...»

Бедный старик не понимал, что нужен не он, а бледная уже тень его имени. Не знал, что пройдет немного времени и угасшую жизнь его незаинтересованный более Краснов передаст истории с такой эпитафией: «Пережитые им (генералом Ивановым) в Петербурге и Киеве страшные потрясения и оскорбления от солдат, которых он так любил, а вместе с тем и немолодые уже годы его отозвались на нем и несколько расстроили его умственные способности...»

Генерал Иванов умер 27 января, увидев еще раз крушение своей армии, особенно трагическое в войсках Воронежского корпуса.²⁰

Я шел с армией походом, вел ежедневно кровавые бои, требовавшие большого нравственного напряжения и известного душевного равновесия... А из нашего тыла, из Новочеркасска, все чаще шли вести, возмущающие и волнующие. Это были не просто слухи, а факты, документы, основанные на словесных и письменных излияниях не в меру злобство-

²⁰ бывшая Южная армия

вавших ненавистников Добровольческой армии.

Атаман в заседаниях правительства, в речах и беседах, командующий Донской армией генерал Денисов публично в офицерских собраниях поносили и Добровольческую армию, и вождей ее. Поносили все – нашу стратегию, политику нравственный облик начальников и добровольцев. «Достоверные сведения» о полном развале Добровольческой армии были любимой темой донских руководителей.²¹

Даже самый поход наш был заранее опорочен. В заседании 26 июня Краснов заявил,²² что Добровольческая армия «оставила без всякого предупреждения Донского правительства в ночь 11 июня линию Мечетинская—Кагальницкая, чем Донская армия поставлена в крайне тяжелое положение, ибо получилось обнажение фронта». Этот упрек брошен был армии, двинутой во 2-й Кубанский поход, имевший одной из ближайших задач освобождение Задонья и тот общий результат, который в отчете Кругу Денисова выражен был следующими словами: «Быстрое движение войск и начало очищения Сальского округа обозначились после успехов Добровольческой армии, взявшей Торговую... Освободились (также) от противника южные части Ростовского и Черкасского округов, отпала угроза Новочеркасску с юга, и вместе с тем мы смогли за счет азовского и тихорецкого направлений усилиться на других фронтах, а с прибывшими

²¹ Письма генерала Алексеева и отчеты о заседаниях

²² из протоколов заседаний

подкреплениями перейти к более активным действиям...»

Отношения верхов отражались в низах – особенно в буйном, несдержанном новочеркасском тылу. На этой нездоровой почве пьяный скандал разрастался в событие, перебранка подгулявших офицеров – в оскорбление Донского войска или Добровольческой армии. Были, конечно, и чисто бытовые причины недоразумений между «хозяевами» и «пришельцами». «Хозяева» были замкнуты в кастовых перегородках, несколько эгоистичны и не слишком приветливы. Но если правы были добровольцы, жалуясь неоднократно на дурное отношение к ним казаков, то и те имели не раз основание для такого отношения в поведении части добровольческого офицерства, в их нескромной самооценке, в полупрезрительном отношении к донским частям, наконец, в «назойливой браваде монархическими идеями». Правда, эти отношения складывались резко только в тыловых гарнизонах, а если и отражались в армии, то в гораздо более умеренных формах. Вообще же в массе своей добровольчество и донское казачество жили мирно не следуя примеру своих вождей.

Очевидно, в этой распре были не совсем правы и мы. Генерал Алексеев писал мне 26 июня: «Отношения (между атаманом и Добровольческой армией) не хороши и вредят нам сильно... В особенности, принимая во внимание, что генерал Денисов совсем не принадлежит к числу наших друзей. Примеру главных деятелей следуют исполнители. Полагаю,

что в некоторых случаях нужно изменить тон наших сношений, так как в создавшейся атмосфере взаимного раздражения работать трудно. И только когда мы окончим счета, можно будет высказать все накипевшее на душе за короткое время с 15 мая». М. В. упустил из виду одно – что почти вся ориентировка с Дона исходила от него.²³ Только что он умел обыкновенно облекать эти отношения во внешние дипломатические формы, я же не постиг этого искусства. Каждое его письмо дышало недоверием и осуждением общей политики атамана и Денисова и их отношений к Добровольческой армии. Насколько глубоко было это недоверие, видно из переписки между ними, имевшей место в августе.

10 августа генерал Алексеев, находившийся тогда в Екатеринодаре, под влиянием донесений из Новочеркасска телеграфировал Краснову:²⁴ «Негласно до меня доходят сведения, что предполагаются обыски и аресты моего политического отдела.²⁵ Если это правда, то такой акт, ничем не вызванный, будет означать в высокой мере враждебное отношение к Добровольческой армии. Разве кровь армии (пролитая) за Дон позволяет такой унижительный шаг?»

Генерал Краснов, вероятно, искренно ответил: «Я удивляюсь, что Ваше Высокопревосходительство допускаете думать, что такой акт к дружеской нам Добровольческой ар-

²³ генерал Алексеев жил тогда в Новочеркасске

²⁴ № 187

²⁵ отдел оставался еще в Новочеркасске

мии возможен. Прошу арестовать как злостных провокаторов лиц, распускающих такие слухи. Враги Дона ни перед чем не стесняются, чтобы вызвать вражду и недовольство в той армии, которой Дон так многим обязан и в которой видит будущее России...»²⁶

Как жаль, что в то же время у атамана и Денисова не находилось для этого «будущего России» иного эпитета, чем «странствующие музыканты» или «банды»!

В случайном признании атаманом значения армии было, вероятно, и некоторое отражение донских настроений... Ведь не только пафос и правила вежливости или «кадетская интрига» руководили Большим войсковым Кругом – тем самым «мудрым» Кругом, который переизбрал атамана Краснова, когда Круг, собравшись осенью 18 года, обратился к армии с ответным приветствием: «...С чувством глубокой радости (мы) выслушали братский привет и пожелания успеха в нашей работе. Слухи, доносившиеся к нам даже в самые отдаленные хуторские углы о нарушенных сердечных отношениях с вами, тревогой и скорбью отзывались в наших сердцах. Но теперь тревога рассеяна... У Тихого Дона нет достаточно сильных слов для выражения своих чувств, преклонения перед вашими подвигами, но есть горячая любовь и искреннее желание не словами, а делом служить вам в вашей тяжелой, святой работе...»²⁷

²⁶ 13 августа. № 551.

²⁷ Телеграмма № 10 от 18 августа 1918 г.

Было два человека – Богаевский и Эльснер – оба люди спокойные и уравновешенные, которые больше других работали над тем, чтобы сгладить трения между Новочеркасском и ставкой Добровольческой армии, но им это решительно не удавалось. Что касается меня лично, то, чтобы не терять душевного равновесия и не создавать самому каких-либо поводов для осложнений, я с конца июня 1918 года прекратил совершенно переписку с генералом Красновым; возобновилась она ненадолго, в силу необходимости, только после объединения командования в 1919 году. Но атаман продолжал писать пространно моим помощникам, вызывая в них не раз глубокое недоумение.

Так, в октябре 1918 года он писал генералу Драгомирову:²⁸

«...У Вас после тяжелых боев прорвался Сорокин с отрядом, и Ваши и мои враги пустили слух, что генерал Деникин нарочно выпустил его, чтобы не дать Краснову взять Царицын. Судите сами, Абрам Михайлович, такими слухами, такими грязными сплетнями на чью мельницу мы льем воду...»

Возмущенный генерал Драгомиров 13 октября отвечал: «...Вашим вопросом – „на чью мельницу мы льем воду“ – Вы как будто возлагаете вину на нас за эти сплетни... Неужели не ясно, что Добровольческая армия из сил выбивается, чтобы сдержать напор большевиков, значительно превыша-

²⁸ № 02 без даты

ющих (ее) в силах и неизмеримо обильнее снабженных боевыми припасами? Неужели последние кровопролитные и упорнейшие бои, в коих гибли с несравненным героизмом офицерские части армии, дают кому-либо право сколько-нибудь серьезно останавливаться на приведенной Вами грязной сплетне о выпуске Сорокина? Неужели по своей доброй воле Добровольческая армия два месяца дерется изо дня в день все на тех же позициях, а города и станицы периодически переходят из рук в руки при всех ужасах, которыми сопровождаются для жителей эти переходы?..»

Любопытно, кто же, однако, распространял «такие грязные сплетни»?

В те же дни²⁹ Краснов писал в Екатеринодар донскому представителю генералу Смагину:

«... Мы ведем борьбу с восемью советскими армиями, в то время как против Добровольческой армии только одна армия – Сорокина, и та более чем наполовину выпущена против нас... Прибытие отряда Сорокина³⁰ и дивизии Жлобы, не преследуемых по пятам добровольцами, и удар их в тыл нашим войскам у Царицына произвели на казаков угнетающее впечатление.

...Конечно, это письмо только тема для Вас. Оно не для

²⁹ 13 октября. № 010

³⁰ Сорокин никогда не выходил к Царицыну. Как увидим ниже, в октябре против Добровольческой армии было большевистских войск 93 тысячи при 124 орудиях

огласки», – заканчивал генерал Краснов.

Я чувствую, что посвятил слишком много строк и внимания розни «белых генералов». Но это было. Внося элемент пошлости и авантюризма в общий ход кровавой и страшной борьбы за спасение России и отражаясь роковым образом на ее исходе.

Конституция Добровольческой власти. Внутренний кризис армии: ориентации и лозунги

В станицах Мечетинской и Егорлыкской жила Добровольческая армия – на «чужой» территории, представляя своеобразный бытовой и военный организм, пользовавшийся полным государственным иммунитетом.

С первого же дня моего командования, без каких-либо переговоров, без приказов, просто по инерции утвердилась та неписаная конституция Добровольческой армии, которой до известной степени разграничивался ранее круг ведения генералов Алексеева и Корнилова. Генерал Алексеев сохранил за собою общее политическое руководство, внешние сношения и финансы, я – верховное управление армией и командование. За все время нашего совместного руководства этот порядок не только не нарушался фактически, но между нами *не было ни разу разговора о пределах компетенции нашей власти*. Этим обстоятельством определяется всецело характер наших взаимоотношений и мера взаимного доверия, допускавшая такой своеобразный дуализм.

Щепетильность в этом отношении генерала Алексеева была удивительна – даже во внешних проявлениях. Помню, в мае в Егорлыкской, куда мы приехали оба беседовать с

войсками, состоялся смотр гарнизону. Несмотря на все мои просьбы, он не согласился принять парад предоставив это мне и утверждая, что «власть и авторитет командующего не должны ничем уმაляться». Я чувствовал себя не раз очень смущенным перед строем войск, когда старый и всеми уважаемый вождь ехал за *мною*. Кажется, только один раз, после взятия Екатеринодара, я убедил его принять парад дивизии Покровского, сказав что я уже смотрел ее.

В то же время на всех заседаниях, конференциях совещаниях по вопросам государственным, на всех общественных торжествах первое место бесспорно и неотъемлемо принадлежало Михаилу Васильевичу.

В начале июня, перед выступлением моим в поход генерал Алексеев переехал из Мечетинской в Новочеркасск и попал сразу в водоворот политической жизни Юга. Его присутствие там требовалось в интересах армии. Работая с утра до вечера, он вел сношения с союзниками, с политическими партиями и финансовыми кругами, налаживал, насколько мог, отношения с Доном и своим авторитетом и влиянием стремился привлечь отовсюду внимание и помощь к горячо любимой им маленькой армии.

Но временная наша разлука имела и свои отрицательные стороны. При генерале Алексееве образовался военно-политический отдел, начальником которого стал полковник генштаба Лисовой. Этот отдел был пополнен молодыми людьми, обладавшими, по-видимому, повышенным често-

любием... Вскоре началась нервнирующая переписка по мелким недоразумениям между отделом и штабом армии. Даже милейший и добродушнейший Эльснер стал жаловаться на «двоевластие» в Новочеркасске и на Лисового, который «весьма ревностно следит, не получает ли кто-либо, а главное он (Эльснер), каких-либо политических сведений помимо него». Бывали случаи и посерьезнее. Так, например, совершенно неожиданно мы прочли в газете,³¹ случайно попавшей в армию, официальное уведомление от военно-политического отдела, что уполномоченными представителями армии по формированию пополнений (начальники центров) являются только лица, снабженные собственноручными письменными полномочиями генерала Алексеева... Это сообщение поставило в ложное положение меня и в роль самозванцев – начальников разбросанных повсюду по Украине и Дону центров и вербовочных бюро, которые назначались мною и руководились штабом. В архиве я нашел переписку, свидетельствующую, что это сделано было самовольно «молодыми людьми». Положение осталось, конечно, прежним. По инициативе отдела и за подписью Лисового так же неожиданно появилось в газетах сообщение, вносившее серьезное изменение в «конституцию» Добровольческой армии. В этом сообщении «ввиду неправильного осведомления общества» разъяснялась сущность добровольческой иерархии, причем генерал Алексеев был назван впервые «*Верховным руково-*

³¹ Вечернее время. 191 в. № 16.

директором Добровольческой армии

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.